

Библейский соцреализм

Ирек Мухамедов станцевал докера Иуду

Коммерсантъ - 2003 - 27 июня - с. 14

гастроли балет

В Большом театре Королевский балет Великобритании показал новую программу (о первых спектаклях гастролей „Ъ“ писал 19 и 23 июня) — одноактные балеты британских классиков Кеннета Макмиллана («Дерево Иуды» и «Gloria») и Фредерика Аштона («Балетные сцены»). Выбор репертуара не понравился ТАТЬЯНЕ КУЗНЕЦОВОЙ.

В программе гастролей преобладают балеты сэра Кеннета Макмиллана — четыре из семи представленных (плюс несколько дуэтов в гала-концертах). У Королевского балета для этого были свои резоны: в этом году исполнилось десять лет со дня смерти хореографа, и лондонский сезон был посвящен его памяти. Однако русскую публику, мечтавшую с помощью англичан приобщиться к новейшей балетной моде и порадоваться многообразию балетных стилей, такой перекося разочаровал. Тем более что одноактные балеты английского мэтра оказались куда слабее его монументальных хореодром.

«Дерево Иуды», последний балет Кеннета Макмиллана, был поставлен им специально для Ирека Мухамедова, экс-премьера Большого театра, сменившего в 1990 году Москву на Лондон. Новое приобретение Королевского

балета так поразило почтенного хореавтора, что изменило даже стиль его постановок. Мужская мощь и атлетизм советского балета, воплощенные в танце последнего героя театра Григоровича, перекочевали на английскую почву вместе с плакатным пафосом и склонностью к морализаторству. «Дерево Иуды», повествующее о жизни простых лондонских докеров, — поразительно советский балет по способу мышления, средствам выражения и режиссерскому решению. Правда, в нем все время насилуют проститутку, а в СССР, как известно, таковых не было, равно как и секса. И у нас непременно сократили бы подробности полового акта, но в целом именно так мог изобразить среднестатистический советский хореограф хищный оскал капитализма.

Балет хореографа Кеннета Макмиллана «Дерево Иуды» поражает простодушным реализмом (на фото — самоубийство Иуды)
ФОТО ДМИТРИЙ ЛЕКАЯ

Сюжет балета выглядит надуманным. На задворки верфей (сценограф Джок Макфадьен с простодушным реализмом показывает промзону: кладбище машин, нежилые дома с выбитыми стеклами, железные ноги кранов и лебедок) докеры приносят проститутку. Именно приносят — ногами вперед и в покрывале-саване. Среди многолюдной клиентуры профессионалка отмечает одного. Вспыхивает светлое чувство — настолько сильное, что домогательства мастера (начальника докеров) проститутка грубо отвергает. Разъяренный начальник лупит

ее чуть ли не до смерти. (Самый живой и забавный эпизод спектакля — когда перепуганный насильник обводит предполагаемый труп меловой чертой, как на следствии; «труп» же в предсмертных конвульсиях трижды меняет положение тела, и преступнику каждый раз приходится перерисовывать контуры тела.) В любящих руках своего избранника проститутка было оживает, но лишь затем, чтобы быть окончательно задушенной мастером — уже без свидетелей. Далее следует совсем уж фальшивый эпизод, с помощью которого хореограф попытался придать своей сексуально-социальной истории библейскую значимость: в присутствии понабежавших докеров начальник смачно целует своего счастливого влюбленного подчиненного,

по-иудинскому указывая виноватого. Горячие английские парни забивают невинную жертву ногами. Начальник в раскаянии тут же вешается, а умершая проститутка в белом покрывале приходит на сцену как карающий ангел и символ высшей справедливости.

Конечно, пересказом сюжета можно выместить любой балет. В «Дереве Иуды» есть достоинства: интересно поставлены дуэты — конек Макмиллана, хороши обе вариации нервного любовника (Эдвард Уотсон), проститутку замечательно (остро, раскованно и современно) танцует Мара Калеацци. Но в целом балет выглядит глуповато, особенно в исполнении грузного и пафосного Ирека Мухамедова. Его, два года назад вышедшего на пенсию, англичане специ-

ально пригласили на гастроли в расчете на любовь москвичей. Однако господин Мухамедов все же не легендарный Нуреев, которого в России готовы были чествовать за одно появление на сцене. 42-летний артист показал те же трюки, которые проделывал и до своего отъезда: двойные револьтадты с поджатыми ногами и прочие поломные па, которые изобретали в классе скучающие без ролей советские артисты. И конечно, 15 лет назад он проделывал их куда легче. Еще печальнее, когда советской балетной акробатикой (типа бедуинских колес) вынужден заниматься западный мужской кордебалет: получается сушая пародия.

«Балетные сцены» Фредерика Аштона 1948 года рождения, безыскусные и слегка лука-

вые, — это своеобразный гимн восстановленной гармонии. Он восстает на нетленные ценности: стилистические женские вариации с тонкой пуантной техникой, выстой мужского та-двойные туры в воздухе, шпигель, пируэты; классические структуры адажио с мя кавалерами и пьяным ером. В «Балетных сценах» тупил бывший киевлянин Пугров — был аккуратен, непримечателен. Зато я Мияки Йошида, лукавая цинозно-изысканная, полностью реабилитировала себя за не в «Лебедином озере». И неоклассические «Балетные сцены» оказались не настолько захватывающими, чтобы бить удручающее возде библейского соцреализма

27.06.03